

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ФАКИР

СДЕЛКА с ДЬЯВОЛОМ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Факир. Сделка с Дьяволом / Юрий Корчевский. — Москва : Яуза, Эксмо: 2016. — 320 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-699-90564-5

Еще Хайнлайн писал, что окажись наш современник в далеком прошлом — и его научные знания будут восприниматься как чудеса и магия.

А что, если в прошлое «провалится» профессиональный фокусник-иллюзионист из нашего времени?

Станет ли ФАКИР из будущего «чудотворцем»?

Чего стоит цирковое искусство в схватке против черной магии?

И какую цену всегда приходится платить за сделку с Дьяволом?

Читайте НОВЫЙ фантастический боевик от признанного мастера жанра!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90564-5

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

ИСКУСИТЕЛЬ

 Цирк Николай обожал с детства. Бравурная музыка, шпрыхшталмейстер, на арене в ярких костюмах гимнасты, клоуны, дрессировщики. Но наиболее сильное впечатление произвел фокусник. Он доставал из шляпы зайца, пилил ящик с женщиной-ассистентом. Сердце Николая замирало в ужасе. Две половинки тела шевелили головой и руками в одной половинке распиленного ящика, а в другой жили сами по себе ноги. Он был в восторге.

Со временем любовь к цирку не угасла. Его сверстники хвалились друг перед другом новыми гаджетами, а ему было безразлично. Он читал где только мог о фокусах, когда дома появился компьютер, смотрел документальные фильмы о великих иллюзионистах. О советском Кио, о Гарри Гудини, о Дэвиде Копперфильде и Дэвиде Блэйне.

Начал и сам тренироваться. Для начала с простыми вещами: игральными картами, веревочками, кольцами. Мама говорила, что у него музыкальный слух и пальцы пианиста — длинные, тонкие. Но сам Николай считал в душе, что у него руки prestidigitатора. Фокусник — словечко для неискушенных зрителей. Делятся они на иллюзионистов, использующих в работе специальную, сделанную

на заказ сложную технику. И престиджитаторов, или манипуляторов, использующих ловкость, четкость пальцев и быстроту рук. Их фокусы хороши в небольшой компании, когда зрители могут видеть мелкие детали; скажем, какой масти карты в руках. Вот к этой области тяготел Николай. К окончанию школы уже уверенно показывал трюки перед одноклассниками. Девчонки восхищенно охали, перешептывались; мальчишки, не поняв, в чем суть, просили повторить, чтобы раскрыть секрет. Надо ли говорить, что после школы Николай уехал из своего провинциального города учиться в эстрадно-цирковое училище и с блеском его окончил. Дальше пошли сложности. Главное — попасть в труппу. Сколько молодых людей и девушек останется после учебы невостребованными! Но Николай попал для начала в передвижной цирк, или шапито. И только тут понял, почему большая часть фокусников иллюзионисты. В цирке успех приходит к тем, работа которых видна да хоть с последнего ряда.

Большинство выступающих на арене фокусников имеет ассистентов и механический сложный реквизит. И Кио отечественный, и Копперфильд американский были из их числа. Престиджитаторами были Амаяк Акопян и Дэвид Блэйн.

Фокусники, или факиры, развлекали народ давно, много сотен лет, выступая с бродячими труппами.

Николай сам видел по компу картину И. Босха 1475 года «Фокусник», что в музее Сен-Жермен-ан-Ле. А первая книга о фокусах вышла еще в 1634 году. Одним из первых, достигших известности, стал Николя-Филипп Лендрю, по прозвищу Комю, удостоившийся чести развлекать короля Франции Людовика XVI. Итальянский фокусник

Пинетти демонстрировал возможности «третьего глаза» английскому королю Георгу III в Виндзорском замке, читая закрытые книги или точно указывая, какой предмет находится в закрытом ящике.

Были среди фокусников и мошенники вроде незабвенного графа Калиостро, высланного из России. Дурили народ — чистая правда. Во второй половине XVIII века Вольфганг фон Кемпелен демонстрировал механический шахматный автомат «Турок», внутри которого сидел сильный шахматист.

И с одеждой для фокусников сложно. Выступают или во фраке, в полах которого удобно прятать какие-либо предметы, или в восточном наряде, где много складок для этих же целей.

Реквизит сложный, требует филигранной работы хороших мастеров. Да только поди найди их в России; поистине — штучные люди. Соответственно, и стоит реквизит денег огромных для молодого артиста.

Руками Николай владел виртуозно, а успех не приходил, поскольку видели его только первые несколько рядов. Провожали с арены жидкими аплодисментами. Друзья-артисты предлагали перейти на выступления-корпоративы. С ними свои сложности. Шапито в одном городе долго не задерживается. Пару недель, и поехали в другой город. И где искать того фокусника? Проще вызвонить молодую «звезду», послушать. Как-то, получив зарплату, уселись в маленькой гримерке, в вагончике с приятелем. Выпить, за жизнь поговорить. Тем более было о чем. Менеджер труппы денежки утаивал, не зря цирковые прозвище ему дали Карабас-Барабас, как у известного литературного антрепренера из «Золотого ключика».

Николай выпивал редко, не любил, да и работа не позволяла. Ловкость и скорость ему нужна, а после выпивки о том и думать не можно. Все же на двоих бутылку «уговорили». Приятель вышел на несколько минут, а вернулся...

Николай сначала подумал — разыгрывает приятель его. Человек вошел незнакомый, во фраке, на лице маска клоуна. Николай лихорадочно перебирал — кто из цирковых это мог быть? В вагончики посторонних не пускали. Сейчас лето, потому вагончики-трейлеры, зимой артисты в гостиницах живут.

Незнакомец уселся на стул, где до него сидел приятель Аркаша. Осмотрел более чем скромный жилой отсек вагончика, презрительно скривился.

— Вы кто? — спросил Николай.

Неизвестный посетитель ему не нравился. Было в нем неприятное — высокомерие, некая таинственность, даже скрытая угроза.

— Вам мое имя ничего не скажет, — усмехнулся незнакомец. — Хочу предложить вам сделку.

— Я не бизнесмен, не торговец, вы ошиблись.

— Нет, я не ошибаюсь никогда. Вы хотите стать знаменитым и богатым?

— В сказки не верю, воровать не умею, — отрезал Николай.

Конечно, как каждому творческому человеку — артисту, художнику, композитору, ему хотелось известности, признания его способностей, а может быть, и таланта, славы, восхищения зрителей и как закономерный итог — достатка. Но Николай был реалистом.

Папы-олигарха у него не было, знакомых с волосатой рукой тоже. В искусстве связи могут продвинуть вверх по бюрократической лестнице. Признание аудитории не завоевать по блату или

приказу. Чтобы стать знаменитым, надо очень много трудиться, оттачивать технику. А тут приходит незнакомец и обещает золотые горы. Да они даже не знакомы! В альтруизм Николай не верил.

— Я не волшебник, — кивнул незнакомец. — Мы совершим сделку с вашего на то согласия. Я помогу вам стать тем, кем вы хотите.

— А взамен? У меня нет денег.

— О! Я приду значительно позже, через три-пять лет, и вы отдадите мне самое ценное.

— Если вы можете сделать любого богатым, почему бы вам не озолотиться самому?

— Есть некоторые моменты. Так вы согласны?

Николай прикинул. А что он теряет, соглашаясь? Обворовать незнакомец его не может, не позарится он на скромную зарплату начинающего артиста. А больше у него ничего нет.

— Согласен.

— Вот и хорошо, считайте договор заключенным.

Хлопнула дверь, Николай обернулся. Вошел Аркаша.

— Я еще водочки принес, у гимнастов займы взял.

Николай покрутил головой. Незнакомца в вагончике не было. Странно. Как он вышел, если в дверях Аркаша?

— Аркаша, ты ни с кем не встретился?

— Не, я бутылку за пазухой нес, никого не видел.

— Я не об этом. От меня никто не выходил?

— Никто. По-моему, так тебе уже хватит. Как-то странно ты говоришь...

И в самом деле, лучше не пить. Аркаша так и ушел с бутылкой. Николай спать улегся, поскольку чувствовал себя разбитым. Днем пришлось давать три представления, а завтра они перебираются в

соседний город. Спал Николай беспокойно, мучили кошмары. Когда проснулся в холодном поту, казалось, что незнакомец присутствует здесь, в гримерке. Но никого не было.

— Ушел, — решил Николай и провалился в глубокий сон.

Проснулся от громких голосов, стука тележных колес за окном. Выглянул в окно: на самом деле мимо мужик ведет под уздцы лошадь с телегой. И мостовая булыжная, хотя Николай твердо помнил — асфальт был.

Вышел на улицу и остолбенел. Местность — дома, деревья — была не той, вчерашней. Ощущение, как будто попал в старый купеческий город. Дома каменные, в два-три этажа, с балкончиками, лепниной. Один так вообще с портиками и колоннами. Улица булыжником мощена, по ней телеги и кареты разъезжают. А еще дым из труб во всех домах, пахнет сгоревшим углем, дровами. Мимо мужик проходил в рубахе до колен, штаны в сапоги заправлены.

— Э... уважаемый, — обратился к нему Николай.

— Слушаю, барин, — повернулся к нему абориген.

Николай голову влево-вправо повернул. Это кто тут барин?! Только рядом никого.

— Что за город?

— Вестимо — Тверь.

— А год какой?

Мужик от таких вопросов глаза вытаращил. Чудит барин! И одет срамно: на Николае спортивный костюм был.

В это время сзади густой бас:

— Николя, вот вы где!

К нему подходил тучный мужчина с бритым лицом, но на верхней губе тонкие усики с загнутыми

вверх концами. Николай мужчину видел в первый раз, но тот раскинул руки, собираясь обняться. Ошибся, за другого принял.

— Лучше поди отсюда. Чего встал? Сегодня не подаем, — повернул голову к мужику мужчина.

Судя по положению солнца — часов десять утра, мужчина в чесучовом полосатом костюме Николая знал, поскольку в самом деле обнял.

— Фу, экий запах от тебя, Николя! Зачем столько шампанского пить?!

Водка вчера была, не шампанское. Но Николай промолчал. Надо разобраться в ситуации, что-то непонятное происходит.

— Идем, откушаем. Надеюсь, ты не откажешься пропустить рюмочку со своим антрепренером?

Толстяк подхватил Николая под локоток, повлек к кирпичному дому. А за ним купол шапито виден.

— Глава дворянского собрания завтрак устраивает. Будут члены семьи, а из труппы мы двое.

— А остальные?

— Голос какой-то у тебя... После вчерашнего, небось. Что об остальных думать? Бездари, их удел — медный пяточок за выступление. Зато семья наместника в восторге от твоего выступления была. Далеко пойдешь, Николя, если меня слушать будешь и не сопьешься.

Прислуга на стук в дверь почти мгновенно отворила. Большая прихожая с гипсовыми статуями, претензия на роскошь. Их провели в комнату. Судя по диванам и креслам — гостиную.

— Лука Ильич! Рад приветствовать.

С кресла поднялся мужчина лет пятидесяти в форменном сюртуке. «Ага, антрепренера так зовут. Надо запомнить». Николай чувствовал себя неуютно, происходящее напоминало сюрреализм.

— Так, а это главный герой вчерашнего действия. Без сценического костюма выглядите не так роскошно. Надеюсь — после завтрака вы нас еще порадуете?

— Непременно, — ответил за Николая антрепренер.

Николай не мог прийти в себя. Пусть он очутился в Твери, в другом времени, судя по обстановке и одежде — в девятнадцатом веке, но лицо! Неужели он так похож на неведомого Николя?! А вдруг сейчас и он заявится?

Жестом гостеприимного хозяина их пригласили в столовую. Николай окинул взглядом стол. Неплохо живут дворяне, можно сказать, роскошно. Копченый осетр на полстола на длинном серебряном подносе, вино в бутылках, сладости. В столовую вели три двери. Из одной появилось семейство градоначальника. Матрона лет сорока, в пышном платье; девица лет двадцати пикантных форм с огромным декольте белого платья и сын-подросток.

Все уселись за стол. Прислуга принесла гречневую кашу с мясом, свежесдобитый хлеб. Градоначальник сам разлил вино по бокалам.

— Со знакомством!

— Благодарствую. — Антрепренер привстал, поклонился, толкнул под столом ногу Николая. Тот тоже встал, отвесил поклон.

Дальнейшее застолье проходило в молчании. Когда присутствующие насытились, хозяин предложил вернуться в гостиную.

Николай в первый раз пробовал копченого осетра. Понравилось. Он съел бы еще кусок, но добавку попросить постеснялся.

В гостиной, когда все вольготно расположились, Лука Ильич шепнул Николаю на ухо:

— Не сиди сиднем. Покажи чего-нибудь. Люди ждут.

В маленькой компании что может быть лучше карт? Карты игральные появились на Руси в начале семнадцатого века. Царь Алексей Михайлович «принял их в штыки». В уложении об уголовных наказаниях был введен пункт: пойманных за игрой прилюдно бить кнутом, отрезать левое ухо и садить на два года в узилище. Пойманных за игрой повторно присуждали к каторге либо казнили. Но знать понемногу приобщалась. Играли даже царь и царица — в макао или берлин. Николай залез в карман, вытащил колоду, подошел к хозяину дома поближе. С дивана, на котором сидели домочадцы, тоже было видно хорошо.

— Выберите любую карту из колоды, запомните ее, но не показывайте.

Николай перетасовал колоду, дунул на нее. Одна из карт немного высунулась. Фокусник достал ее, показал всем:

— Дама трэф. Вы ее выбрали?

— Да! Как вам удалось?

— Немного мошенничества, ловкость рук и способности.

А потом он демонстрировал еще и еще. Домочадцы с хозяином были в огромном восторге:

— А что-нибудь еще эдакое!

Градоначальник покрутил в воздухе растопыренной пятерней. Для таких случаев у Николая припасен фокус один.

— Дайте любую монетку, — попросил он.

Хозяин из кармана жилетки достал монету, Николай засучил рукава, чтобы присутствующие не сомневались, что там может что-то прятаться. А вот затем фокус пошел совсем не так.

Он должен был сжать монету в кулаке, демонстративно дунуть на кулак и вытащить из него цветок, преподнести хозяйке. Дамы любят подобные сюрпризы. Получилось неожиданно для него самого. Кулак с монетой сжал, поднес к девушке.

— Дуйте!

Та дунула. Николай сделал шаг назад, разжал кулак. С ладони полетели бабочки. Живые, много. Садились на прически дам, на стекло, порхали в воздухе. И не какие-нибудь мотыльки или капустницы. Крупные, с большими разноцветными крыльями. Николай в своей жизни таких никогда не видел. Похожи на тех, что в Африке.

Присутствующие, в том числе антрепренер, ахнули, потом заплодировали.

— Никогда таких чудес раньше не видела, вы просто волшебник! — сказала хозяйка.

— А они останутся? — спросила дочь хозяина.

— До вечера, — кивнул Николай.

От избытка чувств хозяин вытащил из сюртука портмоне, достал банкноту в пятьдесят рублей и протянул Николаю.

— Бери, — подтолкнул Лука Ильич. — Заработал. Николай взял деньги, поклонился.

— Николя, вам бы в Москве выступать или первопрестольном граде, — заявил хозяин. — Что для такого таланта наш уездный город?

— Непременно воспользуемся советом вашего благородия, — поклонился Лука Ильич. — Доброго здоровьичка, до свидания.

Когда вышли на крыльцо, антрепренер осмотрел Николая с головы до ног:

— Что-то раньше я не видел у тебя такого фокуса. Бабочек-то где взял? Дай банковский билет посмотреть.

Николай отдал деньги. Толстяк сразу спрятал их себе в карман пиджака. Ну точно — Карабас-Барабас.

— У меня они целее будут. Представляешь, пятьдесят рублей за час! Да за такие деньги всему цирку целую неделю ежевечерние представления давать надо. Ты хоть знаешь, чего на эти деньги купить можно?

— Нет.

— Ну да, откуда тебе! Пять хороших дойных коров!

— Зачем нам буренки?

— В корень зришь! Едем в Москву, там представления давать будем. Борцов бы еще нам в труппу. Любит народ борьбу смотреть.

Этим же днем собрали скромные пожитки и на нанятых телегах отправились в Москву. После Петра Великого Москва утратила былое значение, но все равно оставалась значимым центром. Все цари короновались в Кремле, а не в Санкт-Петербурге. И усадьбы многих дворян были здесь. Все-таки питерский климат не всем подходил. Город построен на болотах, с Финского залива дуют ветра, промозгло.

Добирались долго, две недели. За это время Николай познакомился со всей труппой. Но выступления артистов еще не видел, а хотелось оценить. В труппе были гимнасты, жонглер, силовик, легко играющий гирями, коверный. У Николая был небольшой кожаный саквояж с реквизитом. А у силовика — сундук с его гирями, гантелями. И занимал он отдельную повозку, которую лошадь влачила с усилием. Особой дружбы и приязни друг к другу в труппе не наблюдалось. Как понял Николай, антрепренер специально ссорил людей, наговаривал.